

На правах рукописи

НИКИТИН НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ

**КОНСОНАНТИЗМ КЛИТИК
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2026

Работа выполнена в отделе фонетики
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник, заведующий отделом фонетики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук Каленчук Мария Леонидовна
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» Бархударова Елена Леоновна доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» Попов Михаил Борисович
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Защита состоится 15 декабря 2026 г. в 14:00 на заседании Диссертационного совета 24.1.113.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, по адресу: 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (<https://ruslang.ru/>).

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор РАН Д. М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В мировой лингвистике в последние полвека наблюдается значительный рост интереса к клитикам — они исследуются лингвистами самых разных направлений. Фонетистам важны в первую очередь просодическая несамостоятельность клитик и вытекающие из этого произносительные особенности, наблюдаемые как внутри клитик, так и на стыке клитики и ее носителя.

Современный русский литературный язык продолжает эволюционировать — и это справедливо для всех его языковых уровней, включая звуковой. Меняется и произношение клитик, поэтому есть потребность усовершенствовать описание произносительных особенностей русских клитик в орфоэпических словарях и справочниках, сократив дистанцию между кодифицированными и узуальными нормами. Изучение того, как устроено произношение клитик, позволит лучше понять тенденции развития русского языка XXI в. и взаимосвязь его разных языковых уровней. Этим обусловлена **актуальность темы**.

Степень разработанности темы. С одной стороны, лингвисты давно обратили внимание на то, что некоторые русские слова, будучи безударными и формируя одно фонетическое слово с опорной словоформой, произносятся так, как не должны произноситься части единого фонетического слова [Чернышев 1915: 40; Дурново 1924б: 16; Гвоздев 1949: 84–97; Панов 1967: 187–188; Барановская 1968; Высотский 1977: 27–28]. Даже собрано значительное количество экспериментальных данных о произношении клитик [Борунова 1966: 69–71; Вербицкая 1976: 67–68; Каленчук 1986; Каленчук 1993; Богданова 2001а: 121–123; Зотова 2002; Каленчук 2008; Андреева 2018; Сапунцова 2018; Князев 2021]. С другой стороны, до сих пор нет системного, полного анализа произносительных особенностей русских клитик — есть только описания их отдельных звуковых черт, представленные в разных работах. Отсутствуют и корпусные исследования, посвященные этой теме.

Цель работы — системно описать закономерности, определяющие производительные особенности русских клитик в области консонантизма, и интерпретировать полученные данные с точки зрения фонологии и грамматики.

Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) аналитически описать историю и теорию изучения клитик в русистике, проследив, как со временем развивалось их описание;
- 2) сформулировать определение клитики и уточнить классификацию фонетических клитик;
- 3) на основе изученной литературы и собственных наблюдений выявить и сформулировать реальные и потенциальные особенности фонетического оформления русских клитик;
- 4) разработать и провести социолингвистические эксперименты, проверяющие эти особенности;
- 5) сопоставить проведенные эксперименты с экспериментами других лингвистов, выявив сходства и различия полученных результатов и объяснив их;
- 6) проверить достоверность полученных экспериментальных данных корпусным методом;
- 7) проследить, как с течением времени менялось фонетическое поведение клитик, сравнивая звучащую речь литературно говорящих носителей русского языка разных поколений и экспериментальные данные разных лет;
- 8) теоретически интерпретировать полученные фактические данные и предложить системное описание производительных особенностей русских клитик в области консонантизма.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые было предпринято системное исследование консонантизма русских клитик. Его результаты позволяют ввести в научный оборот новые факты о произношении клитик, пересмотрев некоторые сложившиеся ранее представления об их звуковом облике.

Объектом исследования являются русские клитики, **предметом** — консонантизм клитик в современном русском литературном языке.

Теоретическая значимость предлагаемого исследования определяется тем, что системный анализ произношения русских клитик, в том числе их консонантизма, необходим для полноценного описания русской фонетики в целом, поскольку исчерпывающее описание фонетики любого языка предполагает определение границ, в рамках которых действуют те или иные фонетические закономерности.

Исследование представляет интерес и для теории грамматикализации [Hopper, Traugott 2003; Lehmann 2015]. Грамматикализуясь, языковая единица претерпевает целый ряд изменений, в том числе фонетических. К ним относятся потеря просодической самостоятельности, звуковая компрессия и изменение аллофонических правил. Если первые два изменения подробно в работе не рассматриваются, потому что традиционно выделяемые русские клитики уже просодически несамостоятельны и подверглись фонетической компрессии, то аллофоническим правилам уделено особое внимание. Более подробное описание этих особенностей вносит некоторую ясность в степень грамматикализации тех или иных клитик, уточняя наши представления о взаимодействии фонетики и грамматики.

Практическая значимость работы заключается в том, что она позволяет скорректировать и дополнить описание русских клитик в орфоэпических словарях, а также в учебных пособиях по русской фонетике. Предлагаемая диссертация может использоваться при создании новой академической грамматики русского языка, включающей в себя раздел фонетики, базирующийся на новейших научных данных.

Источником **материала** послужили прежде всего результаты социолингвистических экспериментов, поставленных в 2025–2026 гг. специально для изучения фонетических свойств клитик, и данные мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка (МУРКО НКРЯ), а также сведения, почерпнутые из орфоэпических словарей.

Методология исследования основана на лингвистических работах, посвященных — иногда частично — не только фонетике клитик и экспериментальному

изучению их произносительных особенностей (см. список работ на с. 3), но и их морфологии и синтаксису [Zwicky 1977; Зализняк 2008; Плунгян 2016: 18–35; Валова, Слюсарь 2017; Циммерлинг 2018; Aikhenvald et al. (eds.) 2020: 1–24; Wackernagel 2020; Zingler 2022; Haspelmath 2023]. Предлагаемая работа может рассматриваться как узуально ориентированное исследование: все основные выводы в ней опираются на конкретные речевые употребления языковых единиц.

В диссертации применяются такие общенаучные **методы** исследования, как наблюдение, описание, анализ, классификация и эксперимент. Последний метод требует уточнений: было поставлено два социолингвистических эксперимента, в каждом из которых 60 носителей русского языка, говорящих на московском варианте литературной нормы, читали наборы предложений, изобилующих клитиками. Записи обрабатывались с применением частных научных методов — аудитивного, спектрографического и статистического анализа. Собственно лингвистическими являются сравнительно-исторический, лексикографический и корпусный методы и многофакторный фонетический анализ.

Положения, выносимые на защиту:

1) фонетическая клитика — это просодически несамостоятельная словоформа, то есть словоформа, которая не может образовать фонетическое слово вне комбинации с другими словоформами;

2) с фонетической точки зрения важно различать клитики абсолютные, не демонстрирующие никаких сегментных особенностей произношения ([б'и'з_д]áра как [б'и'зд]áрный), и относительные, выдающие свою остаточную самостоятельность на сегментном уровне (морóз, [но_сó]лице), а также ударные (на́ голову) и безударные (на го́лову); с синтаксической точки зрения надо выделять не только постоянные проклитики (можно без лж́и, но нельзя *лж́и без), постоянные энклитики (лóжсь бы, но не *бы лóжсь), но и амбиклитики, употребляющиеся как в препозиции, так и в постпозиции к носителю (ведь зна́ет, зна́ет ведь);

3) при делении клитик на абсолютные и относительные необходимо учитывать реализации фонем не только в самой клитике, но и в ее носителе, поскольку

специфичность клитики иногда проявляется именно в нем: (*он*) *достѣ*[к_л']и отличается от (*они*) *достѣ*[гл']и, хотя в обоих случаях произносится [л'и³];

4) вопреки кодифицированной норме, согласно которой свистящий обязательно заменяется шипящим в позиции перед шипящим (*бе*[ш_ш]апки, *завѣ*[ж_ж]е, [ш'_ч']елове́ком), в литературном узусе широко распространено и произношение без такого чередования (*бе*[с_ш]апки, *завѣ*[з_ж]е, [с'_ч']елове́ком);

5) вопреки кодифицированной норме, в литературном произношении встречаются не только сочетания *ушл́а* [п ó]ля и *ед́а* [ш н]а́де, но и *ушл́а* [б ó]ля и *ед́а* [ж н]а́де (*ушла б Оля*, *еда ж Наде*) — последние два произнесения можно рассматривать как фонетическую проклизу при синтаксической энклизе;

6) на стыке клитики и ее носителя в кластерах типа C(')C' мягкость первого согласного преобладает только в некоторых сочетаниях зубных с зубными и губных фрикативных с губными фрикативными (чаще *и*[з'_н']іх, *на*[д'н'_н']ім, [в'_в']эре, чем *и*[з_н']іх, *на*[д^н_н']ім, [в_в']эре), а единственные кластеры C(')C' на стыке клитики и ее носителя, где позиционная мягкость близка к обязательной, — это сочетания гоморганных губно-зубных щелевых или переднеязычных зубных щелевых: [в'_в']эре, [с'_с']эном;

7) произносительные особенности русских клитик, в частности особенности аллофонических чередований на стыке клитики и носителя, представляющие собой фонологические пограничные сигналы, и изменения фонетического поведения клитик могут объясняться теорией грамматикализации: наличие каких-либо произносительных специфических черт у клитик связано с тем, что в прошлом они были просодически самостоятельными словоформами (рус. *ведь* ← др.-рус. *въдѣ*), а утрата этих черт вполне объяснима продолжающейся грамматикализацией описываемых языковых единиц.

Степень достоверности исследования обеспечивается прежде всего ориентацией на узус, предполагающей разнообразие эмпирического материала, и корректным применением различных исследовательских методик. В диссертации экспериментальный метод совмещен с корпусным. Эти методы компенсируют

минусы друг друга, потому что, с одной стороны, чтение вслух в лабораторных условиях всегда в той или иной степени искусственно, зато позволяет контролировать некоторые факторы, которые трудно проверить по корпусу; с другой стороны, корпус дает гораздо больше «живого», спонтанного речевого материала, хотя иногда не позволяет надежно проверить релевантные для фонетики факторы.

Верифицирует результаты исследования и обращение к спектрографическому анализу и математической статистике. Спектрограммы обрабатывались в программе Praat 6.3.08, статистическая же обработка данных производилась в программе StatSoft STATISTICA 10.

Многие из представленных в работе результатов **апробированы** в статьях, напечатанных в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии, и в выступлениях на научных конференциях. По теме исследования опубликованы **три статьи**, входящие в журналы из указанного Перечня ВАК. Различным аспектам диссертационного исследования было посвящено **восемь выступлений** на научных конференциях 2023–2026 гг.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и семи приложений. Список литературы включает в себя 141 работу. Объем диссертационного исследования — 202 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение посвящено общей характеристике работы: в нем обоснована ее актуальность, сформулированы цели и задачи, объяснены методы и методология исследования, раскрыта его теоретическая и практическая значимость.

В **Главе I** подробно описаны разные подходы к определению понятия *клитика* и предложены некоторые уточнения к фонетической и синтаксической классификации клитик. Здесь же аналитически изложено, как в русистике на протяжении столетий осмыслялось произношение клитик. Завершает главу описание социолингвистических экспериментов, поставленных в рамках предлагаемого исследования.

В современной лингвистике представлены разные определения понятия *клитика*. Можно выделить три традиции их осмысления: фонетическую, грамматическую и смешанную. Внутри фонетической традиции целесообразно различать два подхода: а) клитика — безударная словоформа и б) клитика — словоформа, неспособная образовывать фонетическое слово самостоятельно, то есть вне комбинации с другими словоформами (= просодически несамостоятельная). **Теоретически обоснованнее считать фонетическую клитику просодически несамостоятельной словоформой.** Клитика, понятая таким образом, может быть не только безударной, но и ударной.

При этом между клитиками и просодически самостоятельными словоформами есть промежуточный класс **полуклитик** — словоформ, которые могут формировать или не формировать фонетическое слово в зависимости от произносительных условий: *сквозь о́кна*, но *скво́зь параллелогра́мм*.

Среди фонетических клитик важно разграничивать клитики абсолютные и относительные:

а) фонетическое слово с абсолютной клитикой не демонстрирует никаких особенностей произношения по сравнению с позицией внутри одного лексического слова ([б'и^зо́]блака как [б'и^зо́]блачный);

б) фонетическое слово с относительной клитикой обладает звуковыми особенностями, выдающими отдельность клитики, ее остаточную самостоятельность (*но со́в* отлично от *носо́в*: [но_со́ф] vs. [на^осо́ф]).

Относительным является и такое звуковое примыкание, при котором фонемы в клитике имеют реализации как внутри одного лексического слова, но есть нехарактерные для той же самой позиции аллофоны в опорной словоформе: (*он*) *подстри́*[к_л'и^о] отличается от (*они*) *подстри́*[гл'и^о], хотя само по себе произношение [л'и^о] никаких специфических сегментных черт не демонстрирует. Описанное чередование объясняется именно клитикой, а не самим носителем: в *достиг ли* фонема /г/ реализована [к] вовсе не потому, что опорная словоформа *достиг* обладает какими-то специфическими произносительными характеристиками, а потому, что *ли* ими обладает, будучи относительной энклити-

кой. В подобных сочетаниях клитика становится своеобразной позицией, предсказывающей поведение сандхиальных фонем.

С синтаксической точки зрения важно выделять не только постоянные проклитики и постоянные энклитики, но и амбиклитики, способные употребляться как в препозиции, так и в постпозиции к опорной словоформе: *ведь вы́шли* и *вы́шли ведь* и пр. Постоянные проклитики и энклитики, в отличие от амбиклитик, имеют синтаксическое ограничение на позицию относительно своей вершины: *без вы́хода*, но не **вы́хода без*; *уи́ёл бы*, но не **бы уи́ёл*.

Если же говорить об истории вопроса, то наиболее ранним является осмысление клитик на материале древнегреческих энклитик: александрийские грамматисты называли *энклитическими* односложные и двусложные слова, регулярно лишаящиеся своего ударения и в ряде случаев «отбрасывающие» его на предшествующее слово. Позднее, по-видимому в начале XIX в., появляется понятие проклитического слова, а затем, в середине XX в., и понятие клитики. Родовой термин, вопреки более простой морфемной структуре, самый молодой из описанной традиционной триады.

Во всех работах, написанных до XX в., почти никаких сегментных особенностей произношения русских клитик не отмечается: фонетические закономерности, устанавливаемые для них, те же самые, что и для позиции внутри лексического слова. Так, произношение звонкого на месте глухой фонемы в предлоге *к* ([г_б]о́гу), фиксируемое некоторыми грамматистами XVIII–XIX вв., ничем не отличается от какого-нибудь *о[дг]ада́ть* или *моло[д'б]а́*; [х_т]о́му первоначально имело ту же природу, что и старомосковское произношение [хт]о, поэтому здесь не было какой-либо специфики. Тем не менее примерно с рубежа XIX–XX вв. все чаще исследователи замечают, что некоторые служебные слова на сегментном уровне обладают именно особыми фонетическими чертами. Подавляющее большинство таких наблюдений были сделаны в XX–XXI вв.

В XX в. фиксируются многие сегментные особенности клитик и полуклитик и существенной доработке подвергается учение об их суперсегментных свойствах, а также заимствуется из зарубежных лингвистических работ сам термин

клитика. В этот же период выявленные особенности интерпретируются с функциональной точки зрения: лингвисты больше внимания уделяют их различительному потенциалу, связанному с делимитативной функцией фонем. Более того, четко осознается, что одни клитики, абсолютные, полностью интегрируются в фонетическое слово и никак не сигнализируют о своей отдельнословности, а другие, относительные, выдают ее какими-либо звуковыми особенностями. Наконец, во 2-й половине XX в. ставятся первые эксперименты, исследующие фонетические особенности русских клитик.

Чтобы определить консонантные особенности клитик современного русского литературного языка, было проведено **два социолингвистических эксперимента**, в каждом из которых участвовало по **60 человек, говорящих на литературном русском языке в его московском варианте**. Все они имеют высшее образование или получают его. Информанты читали наборы предложений, изобилующих сочетаниями с клитиками, под запись.

Респонденты были поделены на три возрастные группы:

- а) младшая — до 2000 года рождения (г. р.) включительно;
- б) средняя — с 1999 до 1975 г. р. включительно;
- в) старшая — с 1974 г. р. включительно и старше.

Ниже, когда приводятся примеры конкретных произнесений, указываются инициалы имени и отчества информанта и последние две цифры его г. р.: ИЗ-40, ЛМ-01, ЮВ-73 и т. д.

Глава II посвящена чередованиям по месту образования на стыке клитики и ее носителя. Гипотеза, проверявшаяся в этой главе, заключалась в следующем: свистящие согласные перед шипящими на стыке клитики и ее носителя в литературной речи произносятся настолько часто, что это можно считать узальной нормой — наряду с традиционными вариантами, где соблюдается чередование свистящих и шипящих перед шипящими.

Были изучены сочетания с проклитиками *без*, *из*, *с* и энклитикой *же*, а также с полупроклитиками *близ*, *сквозь*, *через*. В качестве носителя клитики/полупроклитики выступала словоформа, которая:

а) в сочетании с проклитикой начинается с [ш], [ж], [ч'], [ш':] ([ш']) или [дж]: *без шумной (пьянки), из железяк, с челове́ком, из ще́дрости, из джи́нсов* и др.;

б) в сочетании с энклитикой *же* заканчивается фонемой /с/, /с'/, /з/ или /з'/: *ле́с же, ло́сь же, завёз же, ле́зь же* и под.

Всего было проанализировано 90 сочетаний, подходящих под указанные критерии, и записано 5318 релевантных произнесений.

Регулярными считались те произнесения, когда, во-первых, ничего не произошло с начальным согласным носителя проклитики или с первым согласным энклитики *же* (/ч'/ реализована [ч'], /ж/ — [ж] и т. д.); во-вторых, отсутствовала пауза, гортанная смычка или вставной гласный между клитикой и ее носителем и одновременно с этим соблюдались чередования согласных по глухости/звонкости; в-третьих, эти фонетические реализации были зафиксированы более чем в 5 % произнесений от общего числа вхождений. Получается три разряда системных аллофонов:

1) шипящие [ш], [ж], [ш'], [ж']: *бе[ш_ш]умной* (АА-81), *и[ж_ж]ёлоба* (ЮВ-73), *бе[ш'_ч']а́я* (ЛП-96), *ле́[ж'_ж]е* (*лезь же*; АД-95);

2) свистящие [с], [з], [с'], [з']: *бе[с_ш]умной* (ДА-00), *завё[з_ж]е* (ЮВ-73), *и[с'_ч']е́го* (АД-95) наряду с *и[с_ч']е́го* (АА-05), *жи́воти[з'_ж]е* (ТИ-73);

3) согласные [с^ш], [з^ж], [с'^ш], занимающие промежуточное положение между свистящими и шипящими: *бе[с^ш_ш]а́бера* (АД-95 и ЮВ-73), *и[з^ж_ж]и́зненных* (ДА-00), *и[с'^ш_ч']е́го* (АА-06).

Поскольку цель эксперимента — понять, насколько последовательно выдерживается «классическое» чередование свистящего с шипящим, все фонетические реализации были разделены по дихотомическому принципу: на шипящие и нешипящие. К шипящим относились только те аллофоны, когда был представлен передненебный согласный на месте свистящей фонемы. Все остальные реализации: свистящие и промежуточные — оценивались как нешипящие. Полуокказиональные аллофоны, встретившиеся более чем в 1 % случаев, но менее чем в 5 %, тоже распределялись между этими двумя категориями: согласный [ш':]

(бе[ш' _ ш']áя) считался шипящим наравне с регулярным [ш'ч'], а варианты с кластером [с'ш'] или [сш'] (бе[с' _ ш']áя или бе[с _ ш']áя) рассматривались как нешипящие. Результаты эксперимента кратко изложены в таблице № 1.

**Таблица № 1. Чередования по месту образования:
общая частота встречаемости шипящих и нешипящих аллофонов**

Тип аллофонов Возрастная группа	Шипящие	Нешипящие
старшая	808 (46 %)	962 (54 %)
средняя	747 (42 %)	1031 (58 %)
младшая	746 (42 %)	1024 (58 %)
Всего вхождений	2301 (43 %)	3017 (57 %)
	5318	

Эксперимент 2025 г. позволяет заключить: в московском варианте современного русского литературного произношения свистящие согласные перед шипящими на стыке клитики и ее носителя (бе[с _ ш]úма, завё[з _ ж]е, и[с' _ ч']егó или и[с _ ч']егó) узуально частотны. С фонологической точки зрения это означает, что на стыке клитики и ее носителя теперь факультативно различаются свистящие и шипящие фонемы перед шипящими: ро/с ж/е (ро́с же бы́стро) — ро́[ж _ ж]е и ро́[з _ ж]е vs. ро/ж ж/е (ро́жсь же ко́лоси́тся) — ро́[ж _ ж]е. Полной нейтрализации зубных и передненебных щелевых в этой позиции нет.

Удалось проверить влияние некоторых языковых факторов на исследуемые чередования. Для этого были подобраны пары сочетаний, отличающихся друг от друга с точки зрения рассматриваемого фактора: из ча́та — из челове́ка (расстояние до ударного слога), с шипáми — с шальва́рами (частотность носителя), без ша́пки — без штра́фа (наличие/отсутствие консонантного скопления) и др.; пары подбирались так, чтобы другие факторы по возможности элиминировались. На основе подобных пар в рамках каждого проверяемого фактора формировались группы, которые и нужно было сопоставить. При статистических подсчетах сравнивалось не общее число вхождений для выделенных групп, а количество шипящих реализаций одной группы с числом шипящих аллофонов другой, причем для каждого респондента отдельно.

Чтобы установить значимость различий между факторами, использовался критерий Уилкоксона для зависимых выборок. Поскольку на одной и той же выборке производилось 7 парных сравнений, минимальный уровень значимости был взят с поправкой Бонферрони и составил 0,007 ($\approx 0,05 / 7$). Исключение составил возраст, проанализированный отдельно: к выборке, поделенной на 3 независимые подвыборки по 20 человек одной и той же возрастной группы, был применен критерий Манна — Уитни, чтобы проверить, значимы ли различия средних между сформированными подвыборками.

В результате была подтверждена значимость двух факторов: частотного и просодического. Чем чаще употребляется носитель клитики, тем чаще соблюдается чередование свистящего с шипящим; чем менее частотен носитель, тем реже србатывает это чередование. Например, в сочетании *с человеком* был произнесен [ш'] в соответствии с /с/ почти в 50 % случаев, а в *с чичисбеем* — в 15 %. Что касается просодии, то справедлива такая закономерность: в слабой фразовой позиции шипящие на месте свистящих фонем произносятся чаще, чем в сильной фразовой: *и[ш'] челове́ка* — 50 % (слабая фразовая позиция), но *и[ш'] челове́ка* — 20 % (сильная фразовая позиция).

Остальные проверенные факторы: расстояние до ударного слога носителя, наличие/отсутствие консонантного кластера, а также наличие/отсутствие определения между предлогом и связанным с ним существительным — в рамках изложенного эксперимента оказались незначимыми. Возраст тоже не продемонстрировал значимое различие выборочных средних, однако это требует дополнительной проверки на большей выборке.

Сравнение эксперимента 2025 г. с двумя другими, проведенными в советские годы (С. Н. Боруновой 60-х гг. и М. Л. Каленчук 80-х гг. XX в.), не позволяет с уверенностью утверждать, что свистящие согласные перед /ч'/ на стыке клитики и ее носителя стали произноситься чаще: судя по всему, принципы, на основании которых реальный звук речи относился к тому или иному звукотипу (свистящему или шипящему), различны во всех трех экспериментах.

Корпусные данные подтверждают гипотезу об узуальной нормальности свистящего перед шипящим на стыке предлога и самостоятельного слова, по крайней мере для сочетаний с /ч'/ в начале носителя. Заметна, впрочем, консервативность МУРКО НКРЯ: чередование свистящего с шипящим в корпусе соблюдалось чаще, причем в обеих позициях.

Поскольку произнесения типа *бе[с_ш]áпки*, *и[з_ж]íзни*, *[с'_ч']елове́ком* (*[с_ч']елове́ком*), как и традиционные варианты *бе[ш_ш]áпки*, *и[ж_ж]íзни*, *[ш'_ч']елове́ком*, соответствуют узуальной норме, варианты со свистящим должны быть кодифицированы в нормативных источниках хотя бы как допустимые.

Глава III посвящена чередованиям по глухости/звонкости на стыке клитики и ее носителя.

В эксперименте С. В. Князева 2010-х гг. установлено, что в сочетаниях *я ж рад* (*излить тоску*) и *скажите ж, ради Бога* возможно употребление звонкого [ж] в частице *ж*: из 96 произнесений этих сочетаний звонкий [ж] был произнесен 52 раза — более чем в половине случаев (48 респондентов). Произнесение звонкого [ж] перед сонорным в подобных синтагмах Князев напрямую связывает с наличием в русском языке варианта той же частицы *же* и, насколько можно судить, высказывает предположение, что варианты вроде *скажі́те* [ж р]áди Бо́га обусловлены неполной диерезой гласного: фонетически его нет, но он представлен в клитике *ж* фонологически, поэтому предшествующая ему фонема /ж/ ведет себя как звонкая согласная фонема в позиции перед гласным — и реализуется звонким аллофоном [Князев 2021: 23–25].

На эти произносительные факты можно взглянуть по-другому. А. Н. Гвоздев, еще в середине XX в. отмечая звонкий согласный в частицах *б* и *ж* в позиции перед гласным или сонорным (оригинальные транскрипции: *тыбад'ин паиол*, *анабн'п'исаль*; *ан'йжуил'й*, *ан'ижрады*, *кр'ич'йжап'ат'*), оценивал связь этих служебных слов с просодически самостоятельными вокруг как двустороннюю, что представляет собой «совершенно исключительный случай в русском языке [Гвоздев 1949: 92]. Вероятно, Гвоздев имел в виду, что фонетически клитики *б* и *ж* в таких употреблениях не являются ни проклитиками, ни энклитиками, «опи-

раясь» одновременно и на предшествующее, и на следующее слово. Другая возможная интерпретация: *б* и *ж*, будучи безусловными энклитиками с точки зрения синтаксической, с точки зрения фонетической бывают и проклитиками, по крайней мере в произнесениях вроде *ан'ижуил'и* и пр. В обоих случаях граница между [ж] или [б] и следующими сегментами не является однозначно межсловной, что тоже объясняет сохранение звонкого согласного.

В эксперименте 2026 г. при проверке чередований по глухости/звонкости в качестве носителя клитики/полуклитики выступала словоформа, которая:

1) в сочетании с (полу)проклитикой или препозитивными амбиклитиками *аж* и *уж* начинается с сонорного, с /в/ или /в'/ + гласный или с гласного: *аж* *ло́пнул*, *из* *ле́нты*; *против* *ве́тра*; *над* *обла́стями*, *сквозь* *а́рку*, *уж* *обла́сть* и мн. др.;

2) в сочетании с энклитикой *ли*, а также с амбиклитиками *вот* и *лишь*, употребленными энклитически, заканчивается шумным согласным: *до́стиг* *ли*, *ми́тинг* *ли*; *са́д* *вот*, *пло́в* *вот*, *тетра́дь* *вот*; *за́лез* *лишь*, *запо́лз* *лишь* и др.;

3) в сочетании с амбиклитикой *ведь* либо начинается согласным или гласным при проклитическом *ведь*, либо заканчивается шумным согласным при энклитическом употреблении той же единицы: *ведь* *лабора́тория*, *ведь* *о́кна*; *завёз* *ведь*, *пло́в* *ведь*; *ведь* *ло́жсь* и *ло́жсь* *ведь* и т. д.

Особый случай представляют собой синтаксические энклитики *б* и *ж* — для их проверки гораздо важнее контролировать звук следующего фонетического слова: *ушла́ б* *О́ля*, *еда́ ж* *На́де* и нек. др.

Рассмотренное чередование вполне традиционно «расщеплялось» на следующие позиции:

1) шумный согласный + сонорный согласный, гласный или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный: *вы́лез* *лишь*, *сквозь* *ле́с*, *уж* *не́льзя*; *ведь* *о́кна*, *сквозь* *а́рку*; *без* *ви́део*, *ведь* *вла́сть* и мн. др.;

2) шумный согласный + /в/ или /в'/, за которым следует шумный звонкий: *аж* *вдо́х*, *без* *вдовы́*, *ведь* *вби́ть*, *от* *вдовы́*, *через* *вдову́*;

3) глухая парная фонема + звонкая парная фонема: *от* *бе́га*, *с* *де́лом*;

4) звонкая парная фонема + глухая парная фонема: *без сёрвера, через тѣло*.

Всего проанализировано 76 сочетаний, подходящих под указанные критерии, и записано 4258 релевантных произнесений.

Если говорить о регулярных аллофонах, то их можно поделить на три группы, одну из которых имеет смысл разбить еще на две подгруппы:

1) звонкие согласные: *бе[з_в']идео* (ДА-00), *и[з_л']энты* (ЛП-96), *на[д_э]бластя́ми* (МЛ-52), *о[д_б']эга* (ЕА-04), *прòти[в' в']елосипéда* (АА-90), *слугá [ж ó]кна* (ВВ-45), *ушлá [б ó]ля* (АН-62), *чере[з_л']эс* (АВ-83);

2) глухие согласные, после которых:

а) либо нет никакой ларингализации или паузы: *а[ш_а³]кно́* (ЕМ-81), *ве[т'л' _л'л']о́жь* и *ло́[ш_в'ф']едь* (АН-00), *ве[т' _о']кна* (АО-82), *до-сти́[к_л']и* (ЕС-98), *скво[с' _л'л']эс* (ОВ-58), *слугá [ш ó]кна* (МВ-84), *у[ш_о']бласть* (МД-99), *ушлá [п ó]ля* (АС-84);

б) либо есть гортанная смычка, пауза или гласный, произносящийся со скрипучей фонацией: *а[шʔа³]кно́* (ВВ-77), *ве[т'ʔó]кна* (ТЮ-67), *ушлá [пʔó]ля* (КВ-97); *вѣ[т' || в']енесéкцию* (АВ2-03); *ве[т'ʔó]кна* (ЕВ-04);

3) полувзвонкие — согласные, глухость/звонкость которых затруднительно определить однозначно: *ве[д'т' _л']або́рато́рия* (АА-05), *и[з^ _л']éности* (ЕВ2-04), *плó[в'ф' _в'ф']едь* (ДВ-04).

Таблица № 2 отражает результаты эксперимента по четырем указанным выше позициям. В этой таблице при сочетании носителя с (полу)проклитикой или препозитивной амбиклитикой характеризуется аллофон конечной фонемы клитики (*из лѣнты*), при сочетании с энклитикой или энклитически употребленной амбиклитикой — конечной фонемы носителя (*завѣз вѣдь*). При анализе *б* и *ж* всегда оценивается фонетическая реализация их единственной согласной фонемы.

Таблица № 2. Чередования по глухости/звонкости:
общие количественные данные по фонетическим позициям

Аллофон Клитика	Звонкий	Глухой	Полузвонкий	Всего вхождений
Перед сонорным, гласным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный				
<i>аж</i>	10 (6 %)	164 (93,5 %)	1 (0,5 %)	175
<i>б</i>	36 (33 %)	71 (64,5 %)	3 (2,5 %)	110
<i>без</i>	381 (92 %)	16 (4 %)	18 (4 %)	415
<i>ведь</i>	20 (2 %)	889 (97 %)	11 (1 %)	920
<i>вот</i> (постпозиция)	11 (3 %)	393 (95,5 %)	6 (1,5 %)	410
<i>ж</i>	64 (44 %)	71 (48 %)	10 (8 %)	148
<i>из</i>	107 (92 %)	2 (2 %)	7 (6 %)	116
<i>ли</i>	6 (2,5 %)	217 (95,5 %)	5 (2 %)	228
<i>лишь</i>	3 (1,5 %)	223 (95,5 %)	7 (3 %)	233
<i>над областями</i>	51 (88 %)	7 (12 %)	0 (0 %)	58
<i>с</i>	0 (0 %)	119 (100 %)	0 (0 %)	119
<i>уж</i> (препозиция)	10 (10%)	85 (87 %)	3 (3 %)	98
<i>против</i> (перед /в'/)	24 (23,5 %)	74 (72,5 %)	4 (4 %)	102
<i>сквозь</i>	4 (4 %)	110 (94 %)	2 (2 %)	116
<i>через</i>	467 (90 %)	16 (3 %)	36 (7 %)	519
Перед /в/ или /в'/ + звонкий шумный				
<i>аж вдох</i>	27 (54 %)	18 (36 %)	5 (10 %)	50
<i>без вдовы</i>	55 (94 %)	2 (4 %)	1 (2 %)	58
<i>ведь вбить</i>	34 (64 %)	13 (24,5 %)	6 (11,5 %)	53
<i>от вдовы</i>	41 (87,5 %)	1 (2 %)	5 (10,5 %)	47
<i>через вдову</i>	54 (96 %)	1 (4 %)	1 (2 %)	56
Перед глухим шумным				
<i>без сервера</i>	0 (0 %)	57 (100 %)	0 (0 %)	57
<i>через тело</i>	0 (0 %)	59 (100 %)	0 (0 %)	59
Перед звонким шумным				
<i>от бега</i>	55 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	55
<i>с делом</i>	53 (92 %)	1 (2 %)	3 (6 %)	57
Данные по всем сочетаниям				
Итого — 76 сочетаний	1513 (35,5 %)	2609 (61,5 %)	134 (3 %)	4256

Удалось выделить три разряда клитик.

1. Первую группу образуют абсолютные клитики — непроемные предлоги *без*, *из*, *над*, *с* и *через*, с точки зрения глухости/звонкости ведущие себя как морфема внутри одного лексического слова: *бе[з_в']идео*, *и[з_л']энт*, *на[д_э]бластьями*, *чере[з_л']эс*, но *[с_л']эсом* и *[с_н']эжностью*. В экспериментах Л. А. Вербицкой и М. Л. Каленчук, поставленных в 1970–1980-е гг., предлог

через демонстрировал точно такое же поведение, что позволяет предположить: его фонетическая реализация за последние полвека не поменялась. Благодаря исследованиям этих и других лингвистов первую группу можно расширить за счет иных непроизводных предлогов, заканчивающихся согласным: *в, к, об, от, перед, под*. Сюда же относится и предлог *из-под*, (не)производность которого спорна.

2. Во вторую группу входят относительные клитики *аж, ведь, вот, ли, лишь, уж* и полуклитика *сквозь*. Перед энклитикой *ли* и амбиклитиками *ведь, вот, лишь* позиция для глухих и звонких фонем сигнификативно слабая: *объё[ст_в]от, м[и]тин[к_л']и, залё[с_л']ишь* и т. д. Если амбиклитики *аж, ведь, уж* употребляются перед носителем, начинающимся гласным, сонорным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный, то их конечная фонема тоже оказывается в сигнификативно слабой позиции: *а[ш_а']кно́, ве[т'л'_л]омоно́сов, у[ш_о́]бласть*. Полупроклитика *сквозь* с точки зрения глухости/звонкости тоже ведет себя как отдельное слово: *скво[с'_л']ёс*. Такие же результаты по *ведь* и *уж* были получены М. Л. Каленчук в 1980-е гг. и С. В. Князовым в 2010-е гг., что свидетельствует об устойчивости описанного фонетического поведения. Остальные клитики были проверены экспериментальным методом впервые.

3. В третью группу попали энклитики *б* и *ж*, ведущие себя по-разному: говорят не только *ушла́ [п о́]ля* и *еда́ [ш н]а́де*, но и *ушла́ [б о́]ля* и *еда́ [ж н]а́де*. Такие же колебания для *ж* зафиксированы С. В. Князовым. Впервые проведенный предварительный корпусный анализ подтверждает флуктуации в реализации согласной фонемы в этих сочетаниях. Произнесения типа *ушла́ [б о́]ля* и *еда́ [ж н]а́де* можно рассматривать как фонетическую проклизу при синтаксической энклизе: *б* и *ж*, являясь энклитиками синтаксически, чисто фонетически имеют тенденцию к проклизе.

С делимитативной точки зрения стык абсолютной клитики (1-я группа) и носителя слабый: *бе[з_в']и́део* как *бе[зв]о́дный*. Стык относительной клитики (2-я группа) и опорной словоформы, напротив, делимитативно сильный: *(он) за-мёр[с_л']и*, хотя *(они) замёр[зл']и*; *ве[т'_м]о́жно*, хотя *се[д'м]о́й*. Делимитация осуществляется за счет разных правил чередования: внутри слова и на стыке

абсолютной клитики и опорной словоформы звонкая фонема перед сонорным, гласным или /в/, /в'/ + гласный или сонорный реализована звонким аллофоном, на стыке относительной клитики и ее носителя — глухим.

Было проверено два языковых фактора, гипотетически способных влиять на чередования по глухости/звонкости. Чтобы установить значимость различий выборочных средних между факторами, использовался критерий Уилкоксона для зависимых выборок. На одной и той же выборке производились 2 парных сравнения для проверки глухости/звонкости и 3 парных сравнения для проверки твердости/мягкости (см. далее), так что минимальный уровень значимости с поправкой Бонферрони составил 0,01 (= 0,05 / 5).

Оба проверенных фактора оказались статистически незначимыми. Вот полный список сочетаний, участвовавших в сравнениях и разбитых на пары, на основе которых формировались сравниваемые группы произнесений:

1) частотность опорной словоформы: *ведь возвращать* vs. *ведь венесэ́кцию*, *ведь ло́жь* vs. *ведь ло́но*, *из лёнты* vs. *из лёности*, *через ло́шадь* vs. *через ло́бби*; *са́д вот* vs. *оранжа́д вот*, *ми́тинг ли* vs. *ба́ггинг ли*, *за́лэз лишь* vs. *лонгше́з лишь*;

2) просодическая позиция: *без ви́део* vs. *бе́з ви́део* (акцентное выделение клитики), *через лёс* vs. *че́рез лёс* (АВ полуклитики), *через ло́шадь* vs. *через ло́шадь* (АВ носителя).

Существенно, что конечный согласный предлогов *без* и *через* чрезвычайно устойчив к оглушению. Даже если респондент выделял *без* или *через* акцентно, то все равно в подавляющем большинстве случаев произносился звонкий согласный на конце: *бе́[з_в]и́део*, *че́ре[з_л]ёс*. Возможно, подобное фонетическое поведение объясняется тем, что, несмотря на акцентное выделение, сандхи не меняет своего статуса — не становится полноценным межсловным стыком.

В Главе IV отражены исследования консонантных чередований по твердости/мягкости на стыке клитики и ее носителя.

Анализ литературы показал, что на данном стыке позиционная мягкость в кластерах С(')С' в значительной степени разрушена — в этом прескриптивные и экспериментально-фонетические работы в целом сходятся [Панов 1967: 324–

327; Вербицкая 1976: 62–67, 100–104; Каленчук 1993: 158–195; Касаткин 1993; Панов 2007; Попов 2014: 235–239; Касаткин (ред.) 2017: 982–999; Антонова 2025: 18–40]. Тем не менее в уточнениях нуждается степень этого разрушения.

В эксперименте 2026 г. при проверке чередований по твердости/мягкости в качестве носителя клитики/полуклитики выступала словоформа, которая:

а) в сочетании с проклитикой/полупроклитикой или препозитивной амбиклитикой *вот* начинается с мягкого согласного: *без д́иска, в в́ере, из н́их, над н́им, против в́етра, с с́еном, через л́ес; без я́блока, в я́мку, вот я́блоки* и мн. др.;

б) в сочетании с энклитикой *ли* или постпозитивно употребленными амбиклитиками *ведь, лишь* заканчивается твердой согласной фонемой: *занёс ли, наколёл ли; аутóлиз ведь, завёз ведь, плóв ведь; вы́лез лишь*.

Всего было проверено 70 сочетаний и записано 3965 релевантных произнесений этих сочетаний.

Регулярны были следующие три разряда аллофонов:

а) мягкие согласные: *бе[з' _д']́иска* (АС-84), *[в' _в']́ере* (ЛП-96), *и[з' _н']́их* (ЛМ-01), *на[д' _н']́им* (НН-48), *о[т' _ч']́его* (АН-00), *плó[ф' _в' ^ф]едь* (НВ-84), *[з' _д']́евя́ткой* (МЮ-60);

б) твердые согласные: *бе[з _д']́иска* (ДА2-01), *[в _в']́ере* (ТЮ-67), *и[з _н']́их* (ЕП-04), *на[д _н']́им* (ВВ-45), *на[ц _с']́ектой* (ВВ-77), *о[т _ч']́его* (МЛ-52), *плó[ф _в' ^ф]едь* (ЮР-79), *[з _д']́евя́ткой* (АИ-96);

в) полумягкие согласные: *и[з' _н']́их* (АО-82), *о[т' _ч']́его* (ЕИ-54), *проти[ф' _ф']́ётра* (ИА-04).

Таблицы № 3–4 отражают общие количественные данные по ключевым фонетическим позициям и по разным подклассам клитик.

**Таблица № 3. Чередования по твердости/мягкости:
общие количественные данные по (полу)проклитикам**

Аллофоны Примеры сочетаний	Твердый	Мягкий	Полумягкий	Всего аллофонов
/в/ + /в’/				
<i>в вере, против велосипеда, против ветра</i>	9 (7 %)	73 (58 %)	44 (35 %)	126
Зубной + /ч’/; зубной + зубной, но не [л’]¹				
<i>без диска, из них, над ним, над темой, от чего, с девяткой, через степь и др.</i>	435 (37 %)	531 (45 %)	209 (18 %)	1175
Зубной + /j/, губной + /j/				
<i>без еды, без яблока, в ямку, над яблоней, об ёлку, с едой, с ёлкой, через ельник</i>	360 (78 %)	21 (4,5 %)	82 (17,5 %)	463
Зубной + губной; губной + губной, но не /в/ + /в’/; губной + зубной; зубной + /л’/				
<i>без видео, в небе, из ленты, из мести, над лесом, об белку, об тело, с пеной, через лес и др.</i>	1449 (89 %)	29 (2 %)	146 (9 %)	1624
Данные по всем сочетаниям с проклитикой				
Итого — 60 сочетаний	2253 (66,5 %)	654 (19,5 %)	481 (14 %)	3388

**Таблица № 4. Чередования по твердости/мягкости:
общие количественные данные по энклитикам и амбиклитикам**

Аллофоны Сочетания	Твердый	Мягкий	Полумягкий	Всего аллофонов
Гоморганные согласные или зубной + /ч’/				
<i>вот дело, вот чек, наколот ли, плов ведь</i>	199 (86,5 %)	12 (5 %)	19 (8,5 %)	230
Остальные консонантные кластеры				
<i>аутолиз ведь, вот сено, вот яблоки, вылез лишь, завёз ведь, занёс ли</i>	340 (98 %)	3 (1 %)	4 (1 %)	347
Данные по всем сочетаниям с энклитиками и амбиклитиками				
Итого — 10 сочетаний	539 (93 %)	15 (3 %)	23 (4 %)	577

¹ Оговорка избыточна, если считать согласный [л’] альвеолярным, а не дентальным.

Проклитики с одной стороны и энклитики и амбиклитики с другой демонстрируют принципиально разное фонетическое поведение. Если чередования по мягкости для некоторых сочетаний с проклитиками вполне нормальны (*с сѐном, над нѐм, от чегó* и т. д.), то для энклитик и амбиклитик они периферийны даже для сочетаний с гоморганными согласными в сандхи (типа *плóв ведь* или *наколóл ли*). Это, в частности, означает, что конечная фонема носителя на стыке с энклитикой или постпозитивной амбиклитикой находится в сигнификативно сильной позиции по твердости/мягкости: *шѐс*[т_в']едь, но *шѐс*[т' _в']едь (*шѐст* ведь отлично от *шѐсть* ведь).

Что касается сочетаний с проклитиками, то, как и следовало ожидать, наибольшую сохранность мягкости демонстрируют некоторые гоморганные кластеры, а именно сочетания зубных согласных (но не /л'/), а также /вв'/: *из нѐх, с сѐном, в вѐре*. При переходе от кластеров типа *зубной + зубной* к звукосочетаниям *зубной + губной* процент позиционной мягкости резко падает. Особое поведение демонстрирует фонема /л'/: перед ней безоговорочно доминирует произношение твердого согласного.

С точки зрения твердости/мягкости стык абсолютной проклитики и носителя делимитативно не отличается от стыка относительной энклитики *ли* или амбиклитик *ведь, лишь* и носителя: в *из лѐса* и *вѐлез лишь* обычно произносилось [зл'], в *без вѐдео* и *завѐз ведь* — [зв'] и [св'] соответственно. Однако делимитативно сильным можно считать стык препозитивно употребленной амбиклитики *вот* и носителя: *вот дѐло* — почти всегда *во*[т_д']ѐло, но *над тѐмой* — стабильно *на*[т' _т']ѐмой и *на*[т_т']ѐмой.

Чтобы установить значимость различий между разными факторами, использовался критерий Уилкоксона для зависимых выборок. На одной и той же выборке производились 2 парных сравнения для проверки глухости/звонкости, уже описанные выше, и 3 парных сравнения для уточнения чередований по твердости/мягкости, так что минимальный уровень значимости с поправкой Бонферрони составил 0,01 (= 0,05 / 5). Отдельно проверялся возраст: выборка в 60 человек была поделена на три возрастных подвыборки по 20 человек —

старшую, среднюю и младшую. Чтобы проверить значимость различий, было сделано два попарных сравнения старших со средними и средних с младшими по критерию Манна — Уитни.

Было проверено 4 языковых фактора:

1) статистически незначимые:

а) частотность опорной словоформы: *без д́иска* vs. *без д́инго*, *над н́им* vs. *над н́иксой*, *из л́енты* vs. *из л́ености*;

б) способ образования согласных при гоморганности кластера: *с н́ежностью* vs. *с с́еном*, *над н́им* vs. *над т́емой*, *через т́ело* vs. *через с́етку*, *вот с́ено* vs. *вот д́ело*, *об в́етку* vs. *об б́елку*;

в) возраст: сравнивались все вхождения по возрастным группам;

2) статистически значимым ожидаемо оказался фактор близости сандхи-альных согласных по месту образования: *над с́ектой* vs. *над в́ектором*, *из н́их* vs. *из м́ести*, *с с́еном* vs. *с в́етки*, *без д́иска* vs. *из б́елки* ($p < 0,000001$: в гоморганных зубных кластерах мягкие аллофоны первой фонемы произносятся чаще, чем в сочетаниях зубного с губным).

Последняя проверка поддерживает конвенциональное представление о том, что близость контактирующих согласных по месту образования способствует сохранению позиционной мягкости: респонденты охотнее произносили, скажем, [с' _с']éном, чем [с' _в']éтки. Научного открытия тут нет, но важно, что эта закономерность на стыке клитики и носителя подтверждена статистически.

Что касается возраста респондентов, то здесь могло подвести количество респондентов: подвыборки по 20 человек малы для эффективного применения статистики. В то же время закрадывается и некоторое сомнение: вполне может быть, что дело не в выборке и не в сочетаниях, а в том, что процесс разрушения мягкости сбавил обороты в дентальных кластерах. Впрочем, это соображение требует дополнительных исследований с обязательным применением статистики на бóльших выборках.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования.

В работе развивается подход, согласно которому клитика — это просодически несамостоятельная словоформа, то есть словоформа, которая не может формировать фонетическое слово вне сочетания с другими словоформами. При этом существенно, что статус клитики должен определяться на основе не окказиональных или маргинальных, а системных, регулярных употреблений.

Предлагается различать следующие подклассы клитик:

1) абсолютные, не демонстрирующие никаких сегментных особенностей произношения ([б'и'з_д]áра как [б'и'зд]áрный), и относительные, выдающие свою остаточную самостоятельность на сегментном уровне (морóз, [но_сó]лице);

2) акцентогенные, способные нести словесное ударение при сочетании с некоторыми самостоятельными словами (надéть **на́** голову), и неакцентогенные, лишенные такой возможности (помóг **бы**); при характеристике конкретных употреблений одной и той же клитики, следовательно, можно говорить об ударных (**на́** голову) и безударных (**на** гóлову) ее употреблениях;

3) постоянные проклитики (можно без лж́и, но нельзя *лж́и без), постоянные энклитики (лóжсь бы, но не *бы лóжсь) и амбиклитики (нормально как ведь лóжсь, так и лóжсь ведь).

Необходимо иметь в виду, что граница между просодически самостоятельными словоформами и клитиками не абсолютна и возможно выделение промежуточной группы. Здесь для нее принят термин *полуклитики* — так называются словоформы, способные регулярно быть просодически как самостоятельными, так и несамостоятельными: мой дóм, но мòй холóдильник.

Эти теоретические решения применялись при описании эмпирических данных: экспериментальных и корпусных. Всего было проанализировано более 12 000 произнесений из двух экспериментов 2025–2026 гг. и 1046 корпусных вхождений из МУРКО НКРЯ. Это позволило описать фонетическое поведение клитик в современном русском литературном языке с точки зрения чередований по месту образования, глухости/звонкости и твердости/мягкости, а именно:

1) наряду с кодифицированными сочетаниями шипящих с шипящими: *бе[ш_ш]áпки, завё[ж_ж]е, [ш' _ч']елове́ком* и пр., — в той же позиции узуально нормальны и некодифицированные сочетания свистящих с шипящими: *бе[с_ш]áпки, завё[з_ж]е, [с' _ч']елове́ком* ([с_ч']елове́ком); если считать, что внутри слова такая звуковая последовательность в литературном произношении под запретом, необходимо признать клитики *без, же, из, с* относительными, так как сандхи между ними и носителем ведет себя особым образом²;

2) в литературном произношении, несмотря на кодифицированную норму, встречаются не только произнесения *уи́ла* [п ó]ля и *еда́* [ш н]áде, но и варианты *уи́ла* [б ó]ля и *еда́* [ж н]áде — последние могут представлять собой фонетическую проклиту при синтаксической энклизе: синтаксически *б* и *ж*, бесспорно, энклитики, однако фонетически они как будто стремятся к опоре на следующее слово; в то же время на стыке энклитики *ли* и ее носителя подтверждена мена звонкого согласного на глухой, обязательная для московского варианта литературного произношения: *достí*[к_л']и, *ми́тин*[к_л']и и пр.; это верно и для амбиклитик: *а*[ш_а]кно́, *ве*[т'л' _л]о́жь и *ло́*[ш_в'ф']едь, *за́ле*[с_л']ишь;

3) в сандхиальных кластерах *С(')С'* мягкость первого согласного доминирует только в некоторых сочетаниях зубных с зубными, а также одинаковых губных фрикативных (чаще *и*[з' _н']íх, *на*[д'н' _н']íм, [в' _в']éре, чем *и*[з_н']íх, *на*[д^н_н']íм, [в_в']éре), а единственные типы кластеров *С(')С'* на стыке клитики и ее носителя, где позиционная мягкость близка к обязательной, — это сочетания гоморганных губно-зубных щелевых или переднеязычных зубных щелевых: [в' _в']éре, [с' _с']éном.

Проведенное диссертационное исследование позволяет объяснить, почему клитики в принципе демонстрируют какие-либо фонетические особенности. Можно предложить два общих ответа, дополняющих друг друга.

I. Какие-то клитические явления объясняются преимущественно фонетическими тенденциями развития языка. Одна из самых известных закономерностей

² Впрочем, тенденция к разрушению этого чередования, судя по всему, актуальна и для внутрисловных стыков. Если признать, что и там сочетания свистящих с шипящими нормальны, то проклитики *без, же, из, с* нельзя считать относительными.

такого плана — это тенденция Бодуэна де Куртенэ — Панова. Она предполагает, что в русском языке по крайней мере последних столетий в целом усиливается консонантизм и ослабляется вокализм: различительная способность согласных фонем увеличивается, дистинктивные возможности гласных фонем снижаются.

Эта тенденция хорошо объясняет появление свистящих перед шипящими. Если в литературном произношении XX в. действительно был синтагматический запрет на звуковые последовательности типа [сш], [зж], [с'ч'] и пр., то снятие этого запрета уменьшает степень нейтрализации, поскольку перед /ш/, /ж/, /ч'/ и /ш'/ теперь могут различаться свистящие шипящие: *ро/с ж/е* (*ро́с же бы́стро*) — *ро́[ж_ж]е* и *ро́[з_ж]е* vs. *ро/ж ж/е* (*ро́жсь же ко́лоси́тся*) — только *ро́[ж_ж]е*³. Специфика клитик здесь проявляется в том, что разрушение мены свистящего на шипящий перед шипящим быстрее происходит на стыке клитики и носителя, чем на стыке приставки и корня.

Кроме того, при исследовании глухости/звонкости было подтверждено особое фонетическое поведение кластеров /вв/ и /вв'/. В сочетаниях *плов ведь* и *плов вот* вместо полноценных [в'], [в] в начале клитики часто были представлены глухие [ф'], [ф] или полувзвонки [в'ф'], [в^ф]: *плóв [ф']едь*, *плóв [в'ф']едь* и *плóв [ф]от*, *плóв [в^ф]от*. Эта особенность кажется именно фонетической, и едва ли ее можно объяснить каким-то особым морфосинтаксическим статусом обсуждаемых языковых единиц.

II. Гораздо большее количество фактов в произношении клитик объясняется морфологией и синтаксисом.

С одной стороны, в русском языке к относительности имеют тенденцию частицы и союзы, в то время как непроезводные предлоги более склонны сливаться со своими носителями в цельную фонетическую структуру. Можно на это посмотреть и с чисто синтаксической точки зрения: относительность характерна для амбиклитик и энклитик (*да, ведь, ли, лишь, но, уж* и пр.) больше, чем для проклитик (*без, из, с*). Амбиклитичность, вероятно, поддерживает фонетическую самостоятельность.

³ Утрата долготы, конечно, возможна, но сути дела не меняет.

С другой стороны, апелляция к абстрактной грамматической функции, стоящей за частеречной принадлежностью, или к синтаксической позиции не вскрывает диахронической природы описываемых явлений. Почему одни служебные слова даже одной части речи представляют собой относительные клитики, а другие — абсолютные? Почему некоторые полуклитики переходят в клитики, не меняя при этом своего синтаксического статуса? Очевидно, рассуждения о частях речи и синтаксической позиции сами по себе не объясняют все исторические изменения.

Высказывалось мнение, что произносительные особенности клитик и полуклитичность отдельных слов связаны со словообразованием: если (полу)клитика образована относительно недавно и ее словообразовательная производность еще не совсем «затерта», она может демонстрировать не до конца утраченную мотивированность и фонетически. Например, в XX в. отмечались колебания вроде *ме[ш_н']ими* и *ме[ж_н']ими*. И одно из возможных объяснений этого — амбивалентный статус предлога: он может вести себя и как производный (образованный от *межа* и синхронно мотивированный как усеченный дериват *между*), и как непроизводный (утрачена связь с *межа* и *между*). Этот ответ можно вписать в более широкий теоретический контекст.

Образование полуклитик и клитик и наличие или утрату их фонетических особенностей можно рассматривать в рамках теории грамматикализации. Эта теория предполагает, что естественный язык, обновляя инвентарь служебных слов и словоизменительных морфем, превращает в них обычные лексические единицы: лексика пополняет грамматику. Один из классических примеров грамматикализации — русский постфикс *-ся* (*-сь*), восходящий к энклитической форме *ся* местоимения *себе*, а в современном русском представляющий собой экстернализованный суффикс, использующийся после флексии (*изуча́й-ут-ся*, *изуча́-л-и-сь* и пр.).

Приведем два примера, связанные именно с фонетическими изменениями, сопровождающими грамматикализацию. Превращение полноценного слова в грамматический показатель сопровождается как минимум тремя фонетическими

процессами: звуковой компрессией, потерей просодической самостоятельности и изменением правил, по которым реализуются аллофоны.

В начале работы в качестве исходной гипотезы было принято, что предлог *через* является полуклитикой. Иначе говоря, он то формирует, то не формирует отдельное фонетическое слово сам по себе: *через vás* — одно фонетическое слово, но *чѐрез перехóды* — два фонетических слова. Однако при детальном изучении его поведения с точки зрения глухости/звонкости подтвердилась мысль некоторых лингвистов о том, что в этом отношении *через* ведет себя так же, как предлог-проклитика *без*: в позиции перед гласным, сонорным или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный, *через* столь же часто произносится со звонким сонорным на конце, как и предлог *без*. Более того, если выделить их акцентно, они обычно произносятся со звонким аллофоном на конце: бѣ[з_в']íдео, чѣре[з_л']ѣс.

При этом во 2-й половине XX в. считалось, что выбор между [з] и [с] на конце *через* в указанной позиции определяется его ударностью/безударностью: *чере[з_л']ѣс*, но *чѐре[с л']ѣс*. Если предположить, что это описание отражает реальный узус того времени, по крайней мере один из узуальных вариантов, то можно сделать еще одно предположение: предлог *через* продолжает грамматикализироваться, постепенно приближаясь к статусу полноценной клитики. Возможно, сейчас доминирует безударное произношение этого предлога — тогда его надо признать именно клитикой, а не полуклитикой. Даже если это соображение преждевременно, результаты и экспериментальных работ (причем разных авторов), и предварительного корпусного анализа довольно убедительно свидетельствуют о преобладании звонкого аллофона на конце *через* в позиции перед гласным, сонорным или /в/, /в'/, за которым следует гласный или сонорный.

Хорошей иллюстрацией к теории грамматикализации является эволюция *ведь*. Как известно, эта амбиклитика восходит к реликтовому синтетическому перфекту *въдѣ* (ср. лат. *vidi* ‘увидел’). В ходе языкового развития не только был утрачен последний звук этой словоформы, но и ее корневой гласный стал редуцированным: как правило, произносится [в'и³]ть, а не [в'э]ть. Понятно, что редуцированный [и³] — это инновация, да и клитикой перфект *въдѣ* тоже не был.

И эти изменения прекрасно вписываются в диахроническую модель, предлагаемую теорией грамматикализации: *въдѣ*, употребляясь все чаще и чаще и постепенно становясь служебным словом, приобретает более абстрактную семантику, подвергается фонетической компрессии, теряет просодическую самостоятельность, а с потерей самостоятельности начинает подчиняться ритмической формуле, действующей внутри одного фонетического слова, так как *ведѣ* уже клитика. Если согласиться с этим, то резистентность *ведѣ* к различению глухих и звонких фонем перед собой в постпозиции к носителю (*лѡ[ш_в'ф']едѣ*) и отсутствие звонкости на конце в препозиции (*ве[т'л'_л]ѡжѣ*) представляют собой как раз след былой просодической самостоятельности — последний рубеж, отделяющий относительную амбиклитическую *ведѣ* от абсолютного примыкания к носителю. Можно предположить, что, если со временем будет отмечено значимое увеличение произнесений типа *лѡ[ж_в']едѣ* и *ве[д'л'_л]ѡжѣ*, это будет сигналом продолжающейся грамматикализации этой единицы.

При таком взгляде на русские клитики рассуждения о словообразовании — это лишь один из аспектов грамматикализации. Утверждения, скажем, что от глагола *въдѣ* было образовано служебное *ведѣ*, никак не противоречат теории грамматикализации, зато привлечение последней позволяет логично связать фонетику и грамматику — объяснить, почему в принципе служебность слова влечет за собой потерю просодической самостоятельности и имеет какие бы то ни было следствия на сегментном уровне.

В заключение кажется важным еще раз подчеркнуть, что клитики — это тот класс языковых единиц, чьи производительные особенности невозможно полноценно описать без учета морфологии и синтаксиса. Только при последовательном учете морфосинтаксических характеристик клитик и полуклитик, их линейно-синтагматической свободы, грамматикализации, которой они подвергаются в ходе языковой эволюции, можно полно описать и интерпретировать их фонетические особенности. В диссертации была предпринята попытка сделать это на материале консонантизма русских клитик.

Перспективы дальнейшей работы видятся в целостном описании произносительных особенностей русских клитик в области вокализма, что позволит создать системное фонетическое описание такого особого класса языковых единиц, как клитики, в современном русском литературном языке.

**Публикации автора, входящие в Перечень рецензируемых
научных изданий Высшей аттестационной комиссии,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук**

1. Никитин Н. В. Особенности произношения русских предлогов как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2023. — № 4. — С. 273–291. Объем 1,25 п. л.

2. Никитин Н. В. Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2025. — № 1. — С. 316–326. Объем 0,75 п. л.

3. Никитин Н. В. Абсолютные и относительные клитики в русском языке: проблемы их выделения и лексикографического описания / Н. В. Никитин // Русская речь. — 2025. — № 2. — С. 42–55. Объем 0,8 п. л.

Публикации автора в других научных изданиях

4. Никитин Н. В. Особенности произношения русских клитик: проблемы описания / Н. В. Никитин // LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 14–21 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2023. — С. 617–618. Объем 0,1 п. л.

5. Никитин Н. В. Теоретические аспекты изучения фонетических клитик / Н. В. Никитин // VII Международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения). 5–7 марта 2024 г. Москва : Тезисы докладов. — Москва, 2024. — С. 147–148. Объем 0,1 п. л.

6. Никитин Н. В. Абсолютные и относительные ударные клитики: проблемы выделения / Н. В. Никитин // LII Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 19–26 марта 2024 г. Санкт-Петербург : Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2024. — С. 601–602. Объем 0,15 п. л.

7. Никитин Н. В. Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии / Н. В. Никитин // Человек и мир в зеркале русской лексикогра-

фии (к 75-летию первого издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова). 25–26 октября 2024 г. Тверь : Тезисы докладов. — Тверь, 2024. — С. 88–89. Объем 0,1 п. л.

8. Никитин Н. В. Проблемы выделения клитик и их фонетической классификации / Н. В. Никитин // IX Международная научная конференция «Фонетика сегодня». 5–7 декабря 2024 г. Москва : Тезисы докладов. — Москва, 2024. — С. 72–73. Объем 0,1 п. л.

9. Никитин Н. В. *Бе[ш_ш]áпки* или *бе[с_ш]áпки*: корпусные данные / Н. В. Никитин // LIII Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой. 25–31 марта 2025 г. Санкт-Петербург : Тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2025. — С. 767–768. Объем 0,1 п. л.

10. Никитин Н. В. Свистящие перед /ч'/ на стыке проклитики и ее носителя в русском языке: новые экспериментальные данные / Н. В. Никитин // XII Конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». 2–3 апреля 2026 г. Москва : Тезисы докладов. — Москва, 2026. — С. 54–55. Объем 0,1 п. л.